

902.6

K-21

М. К. КАРГЕР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ДРЕВНЕГО
КИЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ-1030

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР 902.6
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР К 21
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

М. К. КАРГЕР

ИЗ КНИГ
С. П. Григорова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО КИЕВА

ОТЧЕТЫ И МАТЕРИАЛЫ

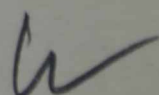
(1938—1947 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ — 1950

БИБЛИОТЕКА
Ин. 2^м 9/17

ПРОВЕРЕНО

Ответственный редактор
действительный член Академии наук Украинской ССР П. П. Ефименко.

В настоящей работе автор отнюдь не ставил перед собой задачу написать историю древнего Киева в свете археологических исследований.

Руководство Киевской археологической экспедицией, возложенное на автора в течение ряда лет (1938—1947 гг.)¹ двумя крупнейшими археологическими учреждениями Советского Союза — Институтом археологии Академии наук Украинской ССР и Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР, — обязывает его, в первую очередь, подытожить результаты работ названной экспедиции за указанные годы.

Археологические работы большого масштаба, осуществленные экспедицией, не только обогатили нашу науку огромным количеством новых разнообразных памятников, но и позволили поставить, а отчасти и решить немало различных проблем истории древнего Киева. Публикуя по возможности полные данные об открытых и изученных экспедицией памятниках, стремясь раскрыть как можно полнее методические приемы полевого исследования и с доступной полнотой опубликовать документацию процесса исследования, автор, однако, не считал возможным ограничиться сухим отчетом о раскопках и перечнем найденных при этом памятников. Автор пытался выдвинуть свою интерпретацию вновь открытых памятников для обеспечения возможности дальнейшего использования их в качестве исторических источников. Разумеется, что в соответствии с задачей настоящей работы проблемам широкого исторического синтеза не могло быть уделено главное внимание².

---

¹ Археологическое исследование древнего Киева было прервано войной и временной немецкой оккупацией. Экспедиция возобновила свои работы в 1945 г.

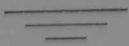
² Предварительные сообщения о результатах работ экспедиции и публикация некоторых материалов сделаны в следующих статьях автора:

1) Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным, КСИИМК АН СССР, 1, 1939, стр. 9—10.

2) Археологические раскопки древнего Киева, Наука и жизнь, Изд. АН СССР, № 2, 1940, стр. 38—40.

3) Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви, КСИИМК АН СССР, IV, 1940, стр. 12—20.

Автор пользуется случаем отметить, что все основные научные результаты достигнуты Киевской археологической экспедицией в 1938—1947 гг. в первую очередь благодаря огромной энергии и самоотверженному труду ее сотрудников, среди которых главную роль всегда играли студенческая молодежь и аспиранты киевских и ленинградских высших учебных заведений.

-
- 4) Погребение киевского дружинника X в., КСИИМК АН СССР, V, 1940, стр. 79—82.
  - 5) К вопросу о Киеве в VIII—IX вв., КСИИМК АН СССР, VI, 1940, стр. 61—66.
  - 6) К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны, КСИИМК АН СССР, VII, 1940, стр. 76—80.
  - 7) Тайник под развалинами Десятинной церкви, КСИИМК АН СССР, X, 1941, стр. 75—85.
  - 8) Землянка-мастерская киевского художника XIII в., КСИИМК АН СССР, XI, 1945, стр. 5—15.
  - 9) Киевская экспедиция 1946 г. (тезисы доклада), КСИИМК АН СССР, XXI, 1947, стр. 38—40.
  - 10) К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода, Труды Всероссийской Академии художеств, 1, Л., 1947, стр. 15—50.
  - 11) К вопросу о древнейшей истории Киева, СА, X, 1948, стр. 235—254.
  - 12) Розкопки у Києві в 1946 р., Археологічні пам'ятки УРСР, 1, Київ, 1949, стр. 7—20.
  - 13) К истории киевского зодчества XII—XIII вв., КСИИМК АН СССР, XXVI, 1949, стр. 128—137.
  - 14) Киев и монгольское завоевание, СА, XI, 1949, стр. 55—102.
- Материалы Киевской археологической экспедиции были широко использованы различными авторами в коллективном труде „История культуры древней Руси“, т. 1, М.—Л., 1948.

ВВЕДЕНИЕ

Археологическое изучение древнейшей столицы русского государства — города Киева — началось 125 лет тому назад.

Первые археологические раскопки в собственном смысле этого слова были произведены в Киеве в октябре 1824 г. В этом году по инициативе Е. Болховитинова, археологом-самоучкой К. Лохвицким были раскопаны развалины Десятинной церкви. С тех пор в течение всего XIX в., в связи с различными работами по планировке города, нередко снимались мощные пласты культурных слоев, благодаря чему обнаруживались памятники различных эпох. Наблюдения за этими работами имели преимущественно дилетантский характер и порождали многочисленных „кладоискателей“ (Анненков, Турчанинова, Хойновский).

Только в первые годы XX в. начались настоящие научно организованные археологические исследования на территории Киева. Но и эти исследования нередко носили печать любительского „вещеискательства“, разрушавшего целостность памятников. Так, наряду с образцовыми по методике раскопками Археологической комиссии, проводившимися с 1908 по 1914 г. под руководством Д. В. Милеева, раскопки В. В. Хвойко (1907—1908 гг.), несмотря на огромный научный интерес раскрытых им памятников, в методическом отношении были далеко не на высоте.

Огромный размах археологических работ, развернувшихся в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции, выдвинул не только новые задачи исследований, но и новую методику раскопок. Вместо узких траншей, прорезавших и разрушавших памятники, советская археология выдвинула требование вести раскопки широкой площадью, стремясь полностью или, по крайней мере, возможно шире охватить изучаемый памятник.

Коренным образом изменились, по сравнению с дореволюционными археологическими исследованиями, задачи и интересы советской археологии. Дореволюционные исследователи-археологи увлекались, главным образом, парадной стороной жизни города, их интересовали преимущественно пышные церковные постройки, клады драгоценных вещей, богатые погребения и т. п. Интересы и задачи советской археологии

стали значительно шире и многостороннее. В частности, особый интерес при изучении древнерусских городов стали вызывать районы, заселенные ремесленниками. Изучение этих районов действительно позволило нарисовать правдивую картину жизни феодального города, основу этой жизни — городское ремесленное производство и тяжелую подневольную жизнь городского ремесленного люда.

Надо сказать, что даже раскопки в центральном, наиболее аристократическом районе Киева, начатые более ста лет тому назад и успешно продолжающиеся до последнего времени, позволили установить, что в нескольких десятках метров от роскошных княжеских дворцов и блиставшей расточительной пышностью Десятинной церкви ютились небольшие землянки-мастерские княжеских холопов. Тем большие надежды в отношении изучения городского ремесла должны были вызвать окраинные районы города, сплошь заселенные „черным“ городским людом. Под углом зрения именно этих задач и были развернуты широкой площадью раскопки в различных районах древнего Киева.

Особенное внимание советских археологов, изучавших древний Киев, было приковано к важнейшей проблеме происхождения города и к древнейшим периодам его истории. По вполне понятным причинам эти вопросы принадлежали к наименее разработанным историками, опиравшимися по преимуществу на письменные источники. В результате археологических исследований последних лет сказочный туман легенд, которым была окутана древнейшая история города, постепенно рассеивается. Раскопки на территории Владимирова Киева показали, что так называемый „город Владимира“ не может быть признан древнейшим ядром Киева. Раскопками было установлено существование в границах „города Владимира“ более древнего городища, окруженного рвом и валом, за пределами которых находился огромный языческий курганный могильник VIII—X вв. Инвентарь многочисленных погребений позволил восстановить яркую картину жизни города в VIII—X вв. Над уничтоженным в конце X в. курганным некрополем расположился новый город Владимира с Десятинной церковью в центре его.

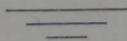
Археологическими исследованиями было установлено существование на территории Киева нескольких (не менее трех) самостоятельных поселений VIII—X вв. Легенда о трех братьях — основателях города, записанная в древнейшей киевской летописи, являлась, повидимому, отголоском реального факта существования нескольких самостоятельных поселений на территории Киева, лишь в конце X в. объединенных в один город.

Систематизация и изучение многочисленных кладов римских монет и случайных находок этого же времени, а также раскопки на территории города древнейших погребений, относящихся к III—IV вв. н. э., позволили восстановить еще более древнюю страницу его истории. Можно считать несомненным наличие на территории Киева нескольких небольших славянских поселений в первые века н. э.

Но наиболее многочисленный и яркий материал, добытый при раскопках в Киеве, относится к летописному периоду его истории (конец X—XIII вв.). Открытие значительного количества отлично сохранившихся остатков жилищ горожан, ремесленных мастерских, развалин каменных храмов и княжеских дворцов X—XIII вв., сопровождавшееся находками огромного количества разнообразнейшего инвентаря, позволяет

нарисовать яркую картину жизни города накануне монгольского завоевания.

В результате раскопок последних лет с изумительной наглядностью раскрылась потрясающая по своему драматизму картина разгрома цветущего города татаро-монгольскими полчищами в декабре 1240 г. Изучение своеобразной стратиграфии культурных слоев Киева позволило установить длительный период запустения „верхнего города“ в результате монгольского нашествия.

І. РАСКОПКИ В УСАДЬБЕ МИХАЙЛОВСКОГО ЗЛАТОВЕРХОГО МОНАСТЫРЯ (1938 г.)

1.

Территория Михайловского Златоверхого монастыря не раз была местом разнообразных случайных находок и раскопок. В монастырской усадьбе и ее окрестностях было найдено с 1787 по 1949 г. двенадцать кладов домонгольской поры. Разнообразные памятники древнего ювелирного искусства, найденные в этих кладах, составляют немалую часть среди киевских находок этого рода.

Еще в первой половине XIX в. на монастырской территории были обнаружены развалины двух древних храмов, раскопки которых, к сожалению, почти не оставили следов в научной литературе, ввиду чего вопрос об атрибуции этих памятников остается до настоящего времени дискуссионным.

В связи с развертыванием крупного строительства на территории бывшего монастыря, здесь еще в 1937 г. Институтом археологии АН УССР были проведены небольшие разведки, позволившие в 1938 г. организовать систематические раскопки широкой площадью. Участок раскопок 1938 г. расположен на вершине Михайловской горы, между некогда существовавшими здесь Михайловским Златоверхим и Дмитриевским монастырями. Позже, повидимому в XVII в., этот участок вошел в усадьбу Михайловского Златоверхого монастыря и был использован сначала в качестве хозяйственного двора, а позже — под фруктовый монастырский сад, существовавший до самого последнего времени.

Работа экспедиции продолжалась со 2.VII по 23.VIII 1938 г.¹ Раскопки были развернуты к северо-востоку от Трапезной церкви монастыря. Всего на этой площадке было вскрыто около 400 м², не считая тех участков, где находится значительно более поздняя яма. Границы

---

¹ В экспедиции под руководством автора принимали участие: руководители участков — В. К. Гончаров, Г. Ф. Корзухина, З. Ф. Вальта; научные сотрудники — В. О. Довженок, П. И. Жадан, Охотник, Креченко, Д. А. Шапченко, Л. В. Меерсон; практиканты — студенты Ленинградского государственного университета И. П. Шаскольский, Д. А. Рабинович; студент Киевского государственного университета Е. В. Махно; зав. хозяйством И. М. Беспалько; фотограф В. И. Маслов.

этой ямы были прослежены со всех сторон, но от раскопки ее пришлось отказаться, так как на всей ее площади древние культурные слои полностью уничтожены.

На раскопанной площади на глубине от 1 до 3 м был раскрыт удовлетворительно сохранившийся участок городского поселения (рис. 1).

Уже на глубине 0,25—0,30 м на всей площади раскопок в поздних по основному составу слоях попадались в большом количестве фрагменты стеклянных браслетов XII—XIII вв. и керамика того же периода. Количество этих находок увеличивалось по мере углубления раскопок. На глубине около 1,00 м на одних участках и на глубине от 2,00 до 2,50 м на других лежат слои, насыщенные уже исключительно древними находками. Слои эти лежат непосредственно на материковом лессе, зачистка которого выявляла темные гумусные пятна старых ям, канав и жилищ полуземляночного типа. Характер стратиграфии участка заставлял тщательно разбирать уже самые верхние слои, которые дали очень большое количество находок XII—XIII вв. Особо тщательной разборке подвергались гумусированные слои, лежавшие непосредственно на лессе, и тем более — землянки и древние ямы. Необходимо отметить, что на раскопанной территории почти отсутствуют находки, относящиеся к XIV—XVI вв. Верхние слои в изобилии давали находки XVIII — начала XIX вв. и в сравнительно незначительном количестве — находки XVII в. Обстоятельство это позволило установить, что после татарского разгрома этот район, повидимому, оставался долгое время почти незаселенным, что, конечно, и способствовало лучшей сохранности древних культурных слоев и, в частности, сооружений.

В северной части раскопа была обнаружена вырубленная в лессе лестница, которая вела в какое-то помещение, находившееся глубоко под землей (рис. 1). Лестница состояла из девяти ступенек, начинавшихся на глубине 1,07 м от уровня современной поверхности, и кончалась на глубине 3,10 м каким-то помещением, которое раскрыть полностью по техническим условиям было невозможно. На ступеньках лестницы лежали деревянные части обрушившегося покрытия. На полу раскопанной части этого помещения было найдено много древней керамики (XII—XIII вв.), обломки древних стеклянных браслетов и некоторые другие бесспорно древние предметы. Но наряду с этим на той же глубине было найдено очень значительное количество обломков керамики и стекла XVII—начала XVIII вв. Каким образом попали эти поздние вещи в подземное помещение — после его обвала, или же они находились в нем, когда оно еще функционировало, — установить не удалось. Назначение и время возникновения этого подземного помещения остается пока неясным. Только окончательная раскопка сможет дать исчерпывающий ответ на эти вопросы.

К югу от вскрытого помещения было раскопано древнее жилище полуземляночного типа, которое сохранилось довольно плохо; границы его были с трудом прослежены по слабым остаткам обожженных стенок и по утрамбованному глиняному полу (рис. 1). Обожженные стенки землянки I сохранились далеко не везде и только на очень незначительную высоту. Лучше остальных сохранилась северная стенка, особенно в части, примыкающей к печке. Землянка перерезана по диагонали поздней траншеей для прокладки водопроводной трубы. В северо-восточном углу хорошо сохранилась нижняя часть печи. Печь была устроена непосред-

вин хор, на что указывает наличие двух входов на хоры и свидетельство Синописа¹. Если К. В. Шероцкий высказал эту мысль совершенно четко и последовательно, то другие исследователи — те, разумеется, которые могли обратить внимание на эту особенность, — подозревали то же самое. Из этой именно мысли исходили исследователи-реставраторы, которые в 1936 г. производили расчистку известного коллек-

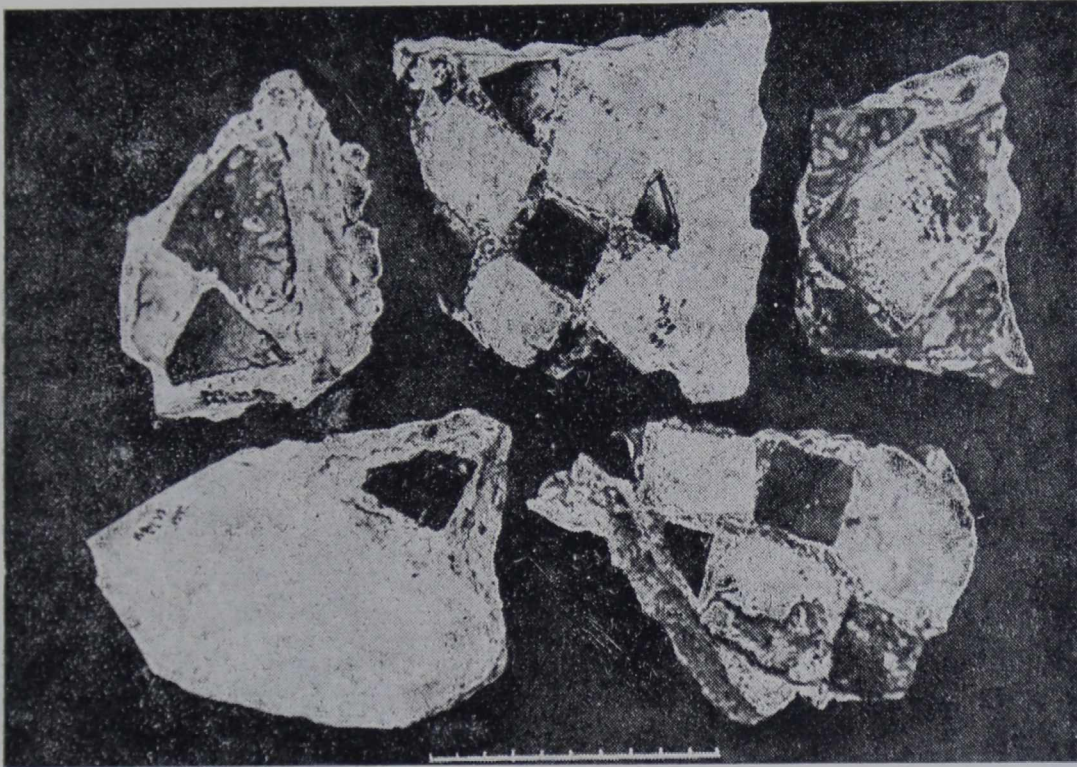

Рис. 177. Софийский собор. Фрагменты мозаичного пола.

тивного портрета семьи Ярослава. В соответствии с этой концепцией „раздельного существования двух половин хор“ поиски портрета Ярослава производились в крайнем западном членении центрального нефа, то есть там, где в действительности никакой древней живописи не было и не могло быть, ибо в этом месте находился коробовый свод западной части хор.

Необходимо отметить, что еще в 1925 г. Н. И. Брунов², в те годы весьма далекий от приемов археологического изучения памятников, на основании анализа пространственной композиции теоретически дал правильную реконструкцию западной части здания. Реконструкция эта, однако, до последней поры вызывала большие сомнения (Моргилевский).

Раскопки 1939 г. были начаты на участке между крайней западной парой крестчатых столбов с задачей окончательного решения этой важнейшей проблемы реконструкции первоначальных форм памятника. На

¹ К. Шероцкий, Киев. Путеводитель, 1917, стр. 31—33.

² Н. И. Брунов, К вопросу о первоначальном виде древнейшей части Киевской Софии, Изв. РАИМК, V, 1927, стр. 135—138; см об этом же Н. И. Брунов, К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X—XII вв., сб. „Русская архитектура“, М., 1940, стр. 113—117.

глубине менее полуметра под чугунным полом собора в первый же день раскопок были обнаружены отлично сохранившиеся два восьмигранных столба, сложенные из древнего плоского кирпича на известковом растворе с примесью толченого кирпича (рис. 178). Раскопки позволили уяснить и еще один существенный вопрос конструкции здания: под восьмигранными столбами был раскрыт ленточный фундамент, соеди-

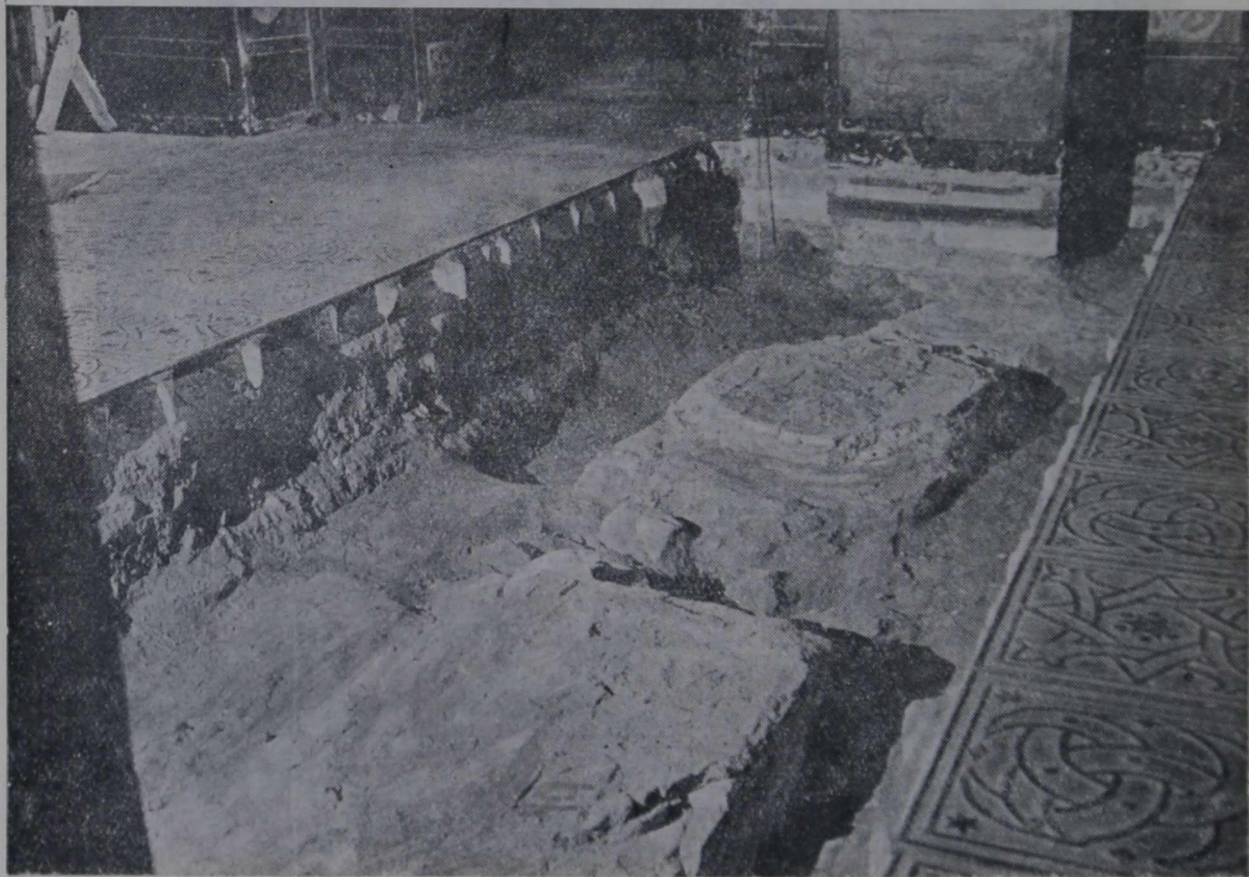

Рис. 178. Софийский собор. Остатки восьмигранных столбов в центральном нефе.

нявший крестчатые столбы здания. Аналогичные ленточные фундаменты были установлены по всем остальным осям здания между крестчатыми столбами.

Западная пара восьмигранных столбов, обнаруженных раскопками 1939 г., позволяет совершенно точно реконструировать внутреннее пространство здания. Никаких „базилических приемов“ в Киевской Софии нет. Столбы западного нефа, подобно столбам южного и северного нефов, соединялись тройной аркой, на которую опирался коробовый свод западной части хор. Не может быть сомнений в том, что подобно южному и северному нефам над этой тройной аркой нижнего этажа находилась тройная арка на уровне хор. При такой реконструкции центральная часть здания принимает форму равноконечного креста, к которому примыкают угловые пространства, расчлененные хорами.

Эта реконструкция здания позволяет правильно понять композицию ктиторского коллективного портрета. Не дошедшее до нас изображение Ярослава с моделью храма в руках, несомненно, находилось над запад-

ной тройной аркой, напротив центрального алтаря собора. К этому изображению направляются обе группы его семьи — женская по южной стороне центрального нефа, мужская — по северной.

Раскопки 1939 г. позволили уточнить еще несколько вопросов реконструкции первоначального архитектурного облика памятника. Под поздней широкой аркой, пробитой в центральной части западной стены здания, была обнаружена нижняя часть древней западной стены, сохранившейся на высоту до 0,35—0,40 м. В центре ее сохранился *in situ* древний мраморный порог, позволивший выяснить ширину западного портала храма. Порог этот состоит из трех кусков мрамора, которые выдолблены ступенькой. Перед порогом — шиферные плиты. Хорошо сохранился южный внутренний угол портала, на котором уцелел *in situ* небольшой кусок штукатурки, покрытой фресковой росписью. Видны остатки коричневой каймы подобно той, которая обычно обрамляет композиции. Остатки фресковой росписи сохранились и на других участках западной стены, у самого пола. Кладка стен обычного характера: чередуются ряды красного, плохо обработанного кварцита и ряды плоского кирпича на растворе извести с толченым кирпичом. Кирпичная кладка характеризуется чередованием рядов выступающих кирпичей и утопленных в кладке, прикрытых слоем раствора, благодаря чему шов раствора кажется чрезвычайно толстым.

В северном портале собора (северный неф) удалось обнаружить еще один мраморный порог, сохранность которого несколько хуже по сравнению с западным. Часть мрамора здесь выломана и заменена кирпичом. Северный и западный пороги, как и порог южного портала, раскрытый в 1936 г., показывают, что уровень пола в центральной части собора был несколько ниже уровня примыкающих внутренних галлерей.

Раскопками 1939 г. вскрыто на различных участках здания 33 погребения. В южном нефе, большая часть которого, как сказано выше, разрушена тепловым каналом отопления XIX в., найдено только два. В северном нефе, тоже пробитом аналогичным каналом, не сохранилось ни одного. Во втором (крайнем) северном нефе вскрыто 19 погребений.

В западном членении центрального нефа, то есть на участке между древней западной стеной и основанием двух восьмигранных столбов, обнаруженных раскопками, раскрыто 12 погребений.

Все погребения сделаны в глубоких грунтовых ямах под древним полом собора, в деревянных гробах различной сохранности. В семи погребениях было установлено наличие долбленной деревянной колоды, в остальных — деревянные гробы, сбитые железными гвоздями.

В пятнадцати погребениях не было никакого инвентаря. В четырнадцати найдена кожаная обувь, причем дважды это были высокие сапоги до колен, в остальных случаях — остатки башмаков из мягкой кожи. В шести погребениях встречены ничтожные фрагменты ткани очень плохой сохранности. Лишь в одном найдена золотая подвеска с аметистом и две стеклянных бусины. Подвеска эта не старше XVI—XVII вв.

Датировка всех найденных погребений затруднена отсутствием инвентаря. Но и само по себе это отсутствие является признаком, не позволяющим относить перечисленные погребения к раннему времени. Погребения знати в XI—XIII вв. еще хранят на себе печать старых языческих обрядов. Большинство погребений этого времени снабжено богатым инвентарем. Невозможно, с другой стороны, предполагать, что

в Софийском соборе — центральном храме города — в XI—XIII вв. были погребены представители черного городского люда. Погребения XVII—XVIII вв. уже не имели такой резко выраженной социальной дифференциации по составу инвентаря, поэтому софийские погребения могут быть отнесены именно к этой сравнительно поздней поре.

3.

В 1946 г. Софийский историко-архитектурный заповедник при участии Института археологии АН УССР и Института материальной культуры АН СССР приступил к систематическим археологическим раскопкам на своей территории по плану, разработанному автором.

В план раскопок 1946 г. входило:

а) исследование развалин древнего сооружения, незначительный участок кладки которого был обнаружен осенью 1945 г. при прокладке траншеи теплоцентрали к северу от северо-западного угла Софийского собора.

в) разведочные работы на территории заповедника к северу от северной стены Софийского собора.

Раскопки проводились с 21 июля по 31 августа 1946 г.¹

Раскопками вскрыта площадь на основном участке работ 326 м² и на разведочных участках — 65 м², всего — 391 м².

На основном участке обнаружены развалины большого сооружения, сложенного из бутового камня и древнего плоского кирпича квадратной формы на растворе извести с примесью толченого кирпича.

Сооружение состоит из трех примыкающих одна к другой камер (рис. 179). Большая из них имеет квадратный план. Сохранились лишь нижние части стен, сложенные из бутового камня на растворе, и кирпичная вымостка пола (рис. 180). Внутренняя поверхность стен облицована кирпичом в один ряд.

На внутренней поверхности стен хорошо прослеживались остатки выступов (лопаток), по четыре с каждой стороны. В растворе стенной кладки сохранились следы бревен (связи), положенных вдоль стен. На полу этой камеры, покрывая ее сплошь, лежал слой золы и мелкого угля.

С северной стороны к камере примыкала вплотную какая-то другая, несколько меньшая по ширине, камера, но от нее сохранилась лишь незначительная часть. Остальное уничтожено поздней глубокой ямой, обложенной деревом. На всей площади камеры лежал мощный слой развала верхних частей сооружения, состоявший из плоских квадратных кирпичей с остатками раствора на них и незначительного количества бутового камня.

С юга к центральной камере вплотную примыкала третья, меньшая, западная часть которой разрушена поздней ямой. Повидимому, камера тоже имела квадратный план. Стены сложены из мелкого битого камня; внутренняя поверхность их облицована кирпичом, поставленным

¹ В работах принимали участие под руководством автора настоящего отчета: научный сотрудник ИИМК АН СССР Корзухина Г. Ф.; старший научный сотрудник Киевского исторического музея Линка Н. В.; научн. сотр. ЦИМ Володченко З. А.; старший лаборант ИИМК АН СССР Агаранян М. Г. и студенты-практиканты Всесоюзной Академии художеств, Ленинградского государственного ордена Ленина университета и Киевского государственного университета.

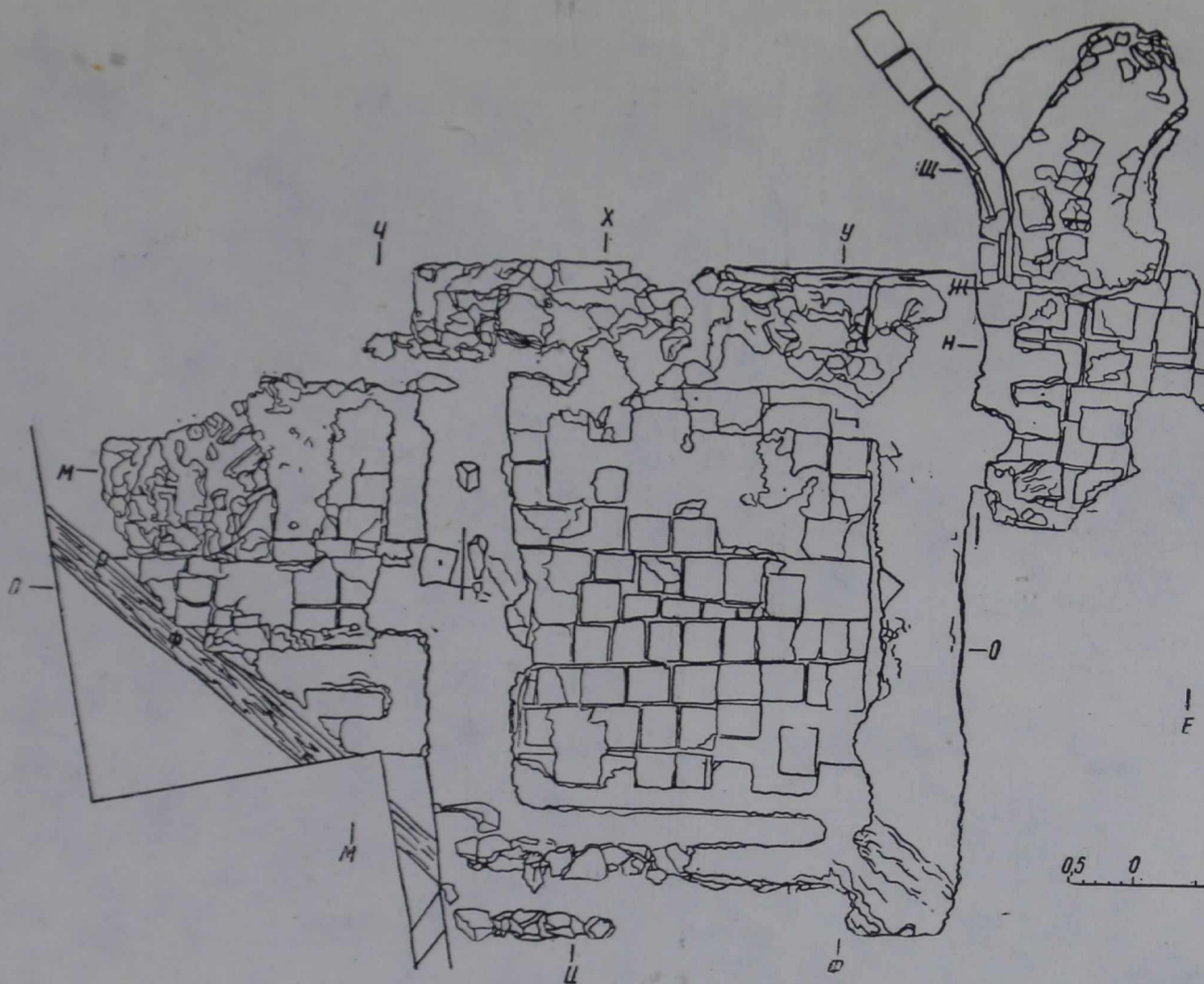

Рис. 179. Софийский заповедник. Печь для обжига кирпича. План.

Рис. 180. Софийский заповедник. Печь для обжига кирпича. Общий раскопок.

Рис. 181. Софийский заповедник. Печь для обжига кирпича. Деталь.

на ребро. На кирпичном полу камеры сохранились нижние части кирпичных столбиков, между которыми образуются узкие продольные и поперечные каналы (рис. 181). С восточной стороны к камере примыкает овальная в плане небольшая камера, стенки которой обложены кирпичом (в один ряд). Кирпич сильно пережжен. На полу этой последней камеры лежал мощный завал золы и углей.

Кладка стен третьей (малой) камеры значительно хуже, чем кладка первой (большой). Основной массив ее стен состоит из мелкого каменного и кирпичного щебня и даже кусков глины.

От северо-восточного угла камеры начинается узкий канал, выложенный поставленными на ребро кирпичами. Дно его также выстлано кирпичом. Канал на протяжении около 1,5 м имеет направление к северо-востоку.

К востоку от обеих камер обнаружен большой глубокий котлован, вырытый в материке, с круто падающими стенками. Котлован сплошь заполнен обломками бракованного пережженного кирпича. Размеры и керамические свойства его аналогичны кирпичу, из которого были сложены обе камеры.

План и конструктивные особенности камер позволяют с несомненностью установить назначение открытого раскопками сооружения. Перед нами керамические печи для обжига кирпича.

Сравнительно-историческое изучение конструктивных особенностей плана открытого сооружения позволило установить древнюю техническую традицию, лежащую в основе этого типа керамических печей, восходящую еще к римскому времени. Аналогичные по конструкции печи известны в X—XII вв. в разнообразных центрах, связанных с распространением византийской культуры (Херсонес, Болгария).

Софийская печь стоит совершенно особняком среди известных в настоящее время древнерусских кирпичных печей¹.

Разведки, произведенные на незначительных по площади участках в северо-западном углу усадьбы Софийского заповедника, дали интересные предварительные данные для планирования последующих археологических работ.

Особый интерес представляет разведочный шурф, заложенный у северной стены гаража. Колоссальной мощности напластование культурных слоев, доходившее местами до 5 м глубины, насыщено разнообразными находками. Разведка показала, что в северо-восточном углу усадьбы лежит мощный слой строительных остатков, кирпичи, обломки мрамора, шифера, фрагменты мозаик и фресок, свезенных сюда, по видимому, во время реставрационных работ XVII—XVIII вв.

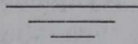
В процессе раскопок и разведок обнаружено значительное количество разнообразных предметов домонгольской эпохи (керамика, стекло, свинцовые печати и многое другое).

Особый интерес представляют многочисленные остатки строительных материалов и фрагменты декоративного оформления древних построек: кирпичи различного времени, растворы, известняки, мрамор, фрагменты фресок, мозаик, куски свинцовой кровли, оконного стекла и, наконец, фрагменты большой резной шиферной плиты — по всей вероятности, одного из древних парапетов хор собора.

¹ В 1949 г. аналогичная печь была обнаружена А. Д. Варгановым в Суздале.

* *
*

Многочисленные и весьма разнообразные памятники, открытые и исследованные Киевской археологической экспедицией с 1938 по 1947 г., наглядно свидетельствуют о том, какие огромные новые перспективы открывают археологические раскопки древнего Киева. Глубокое и всестороннее освещение основных вопросов истории Киева, изучение основных проблем истории культуры Киевской Руси в настоящее время немыслимо без широкого привлечения в качестве исторических источников разнообразных археологических памятников. Материалы, добытые археологическими раскопками последних лет, позволили по-новому поставить, а отчасти и решить ряд важнейших вопросов древнейшей истории Киева. Археологическое изучение Киева еще далеко не закончено. Можно с уверенностью сказать, что дальнейшие систематические раскопки несомненно дадут еще очень богатые и разнообразные новые материалы, которые позволят осветить наиболее трудные, до сих пор не решенные вопросы истории Киева — древнейшей столицы Русского государства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
I. Раскопки в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря (1938 г.)	8
II. Раскопки на территории Десятинной церкви (1938—1939 гг.)	45
III. Раскопки собора Выдубицкого монастыря (1945 г.)	141
IV. Раскопки на территории „города Владимира“ (1946 г.)	167
V. Раскопки развалин двух храмов на Кудрявце (1947 г.)	192
VI. Раскопки в Софийском соборе и в усадьбе Софийского архитектурно-исторического заповедника (1939—1940, 1946 гг.)	227

---

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии наук Украинской ССР*

Техредактор *Н. И. Мусник.*

Корректор *С. И. Головащук.*

БФ 03274. Зак. № 1456. Тираж 1500. Формат бумаги 70×108/16. Бум. листов 7,875.
Печ. листов 21,575. Подписано к печати 8/IX 1950 г.
Цена 20 руб.

Типография Издательства АН УССР, Львов, ул. Стефаника, 11.

2010